УДК 902.3; 94(4)"637"

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188

БРОНЗОВЫЕ ТРЁХЛОПАСТНЫЕ ПРОПЕЛЛЕРОВИДНЫЕ УСТРОЙСТВА ПОЗДНЕГАЛЬШТАТТСКОГО ВРЕМЕНИ

Хахеу В.

*Центр археологии Института культурного наследия АН Республики Молдова
МД 2001 Кишинэу, бул. Штефан чел Маре, д. 1, Молдова*

Аннотация. Целью статьи является описание и интерпретация оригинальных бронзовых предметов позднегальштатского времени, обнаруженных в северотракийском ареале Восточной Европы. Скорее всего, они имеют местное происхождение, и большинство специалистов считают их навершиями для булавок. Однако изучение этих изделий с тремя лопастями позволило предположить, что они связаны с колчаном и прикреплялись к передней части стрелы для устрашения неприятеля и их коней. По итогам проведённого анализа данные устройства были разделены автором на две группы: в первую вошли массивные и более ранние (VII–V вв. до н.э.), во вторую – мелкие, более поздние (IV–III вв. до н.э.). В целом указанная группа изделий датируется периодом от середины VII до середины III вв. до н.э.

Ключевые слова: позднегальштатское время, бронзовое трёхлопастное пропеллеровидное устройство, культурная принадлежность, Восточная Европа

LATE-HALLSTATT BRONZE THREE-BLADED PROPELLER-SHAPED DEVICES

V. Haheu

*Archeology Center of the Institute of Cultural Heritage
of the Academy of Sciences of the Republic of Moldova
1 Stefan cel Mare Blvd., Chisinau MD 2001, Moldova*

Abstract. This paper is aimed at describing the original bronze objects of the Late Hallstatt Period found in the North Thracian area of Eastern Europe. These artefacts are most likely to be of local origin and to have been used as pommels for pins. However, a study of such devices with three blades suggested that they had been associated with a quiver and had been attached to the front of the arrow to intimidate the enemy and their horses. According to the conducted analysis, these devices were divided into two groups: the first included massive and earlier-dated items (7–5 centuries B.C.), which the second – small and later-dated items (4–3 centuries B.C.). In general, the objects under study can be dated back to the period from the middle of the 4th to the middle of 3rd centuries BC.

Keywords: Late Hallstatt, bronze devices in the form of propeller with three wings, the culture attributions, functionality

Ареал распространения

Трёхлопастные пропеллеровидные устройства позднегалльско-латинского времени известны в обширном ареале от Среднего Буга и Среднего Днестра до Северо-Восточной Болгарии, и от Юго-Восточной Польши и Трансильвании до румынского и украинского побережья Чёрного моря. Они встречаются достаточно неравномерно и в разном количестве. Можно выделить несколько концентраций их обнаружения: Трансильвания, центральная и южная часть Молдовы и Добруджи. Для остальных территорий (Правобережная Украина, северо-восточная часть Болгарии и юго-восточная часть Польши) они единичны [21, Fig. 1]. Многие из них являются

случайными находками или собственностью частных коллекционеров [22, р. 443–449, Fig. 1/7–8]. Со времени публикации последнего свода находок [21, р. 275–283; Anexa 1, Fig. 1] стал известен погребальный комплекс 27 с трупосожжением из Заболотче (Юго-Восточная Польша), в котором были отмечены три подобные находки [15, р. 178–215, Fig. 3/8–10]. По устному сообщению Н. П. Тельнова, им были найдены два таких предмета на поверхности городища Хородиште, Страшенского района. Здесь же «чёрными» археологами были найдены ещё два экземпляра (не изданы, место хранения неизвестно, благодарим Н. П. Тельнова за любезно предоставленную информацию).

Прим.: 1 – Чимбала; 2 – Милештий де Сус; 3 – Хушь; 4 – Покреака; 5 – Поенешть; 6 – Хушь; 7 – Гымбаш; 8 – Чумбруд; 9 – Копша Микэ (Проштеа Микэ); 10 – Радбав; 11 – Унгуреи; 12 – Шейка Микэ; 13 – Чернавода; 14 – Сату Ноу «Суат»; 15 – Енисала; 16 – Пиатра Фрекэцей; 17 – Челик-Дере; 18 – Будуреаска-Ваду Сэпат; 19 – Стелника-Грэдиштеа Маре; 20 – Букурешть-Тей; 21 – Сахарна ла Ревекин; 22 – Жюржюлешть; 23 – Трахтемир; 24 – Усть Каменка; 25 – Надлиманское; 26 – Северо-Восточная Болгария; 27 – Крегулево; 28 – Заболотче.

Рис. 1. Карта находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

Контекст обнаружения

О местонахождении в конкретных археологических контекстах можно говорить лишь для некоторых из них. Для поселенческих памятников региона – это хозяйственная яма на городище Наддиманское [4, с. 174, рис. 5] (рис. 2/8), наземное жилище № 7 городища Сахарна Ла Ревекин [25, р. 53, Fig. 2/1] (рис. 3/9). В отдельных редких случаях предметы найдены в погребениях с трупоположениями: Гымбаш [20, р. 36, Fig. 3/3; 43, р. 76] (рис. 2/9), Жюржюлешть [26, р. 122, Fig. 3/3] (рис. 2/3–7) и вторичное захоронение женщины в скифском кургане 2 в Усть-Каменке [5, с. 102, рис. 3/6] (рис. 3/1). В Гымбаш и Жюржюлешть они отмечены в области нижних конечностей – слева от костей ног, где обычно находился колчан для стрел (Гымбаш), а во втором случае – между берцовыми костями ног (Жюржюлешть). В Усть-Каменке предмет с одной сломанной лопастью, скорее всего, использовался вторично в качестве украшения (подвеска в виде якоря) и находился на грудной клетке погребённого [5, с. 102, рис. 3/6] (рис. 3/1). Находка из Хушь [44, р. 18–26; 14, Fig. 39/B] происходит из погребения с трупоположением на спине. Во многих случаях эти вещи происходят из погребений с трупосожжениями, где они найдены вперемешку с кальцинированными костями, и говорить что-либо об их местоположении в контексте погребения невозможно [9, с. 119–128].

Таксономические определения

Впервые подобные находки были введены в научный оборот В. Пырваном, который на основе находки из Родбав обозначил их как *подвески с тремя крылышками* [34, р. 201–202].

Так же обозначил находку из Копша Микэ/Проштя Микэ М. Роска [35, р. 167–203]. Д. Берчу публикует находку из Черनावода как *навершие для булавки с тремя крылышками* [16, р. 295, Fig. 11/4] (рис. 2/11). Находка из Сату Ноу представлена как *трёхлопастное навершие булавки в виде пропеллера* [32, р. 286, Fig. 4] (рис. 3/8), а Г. Симион уточняет для находок из могильника Енисала, что это булавки для волос [37, р. 55, pl. XI/g] (рис. 3/20–25), с чем соглашаются А. Мелюкова и К. Иконому (последний приводит названия *лопасть, пропеллер, крылышки*) [6, с. 107, рис. 34/19; 23, с. 58] (рис. 3/5–7). Но впоследствии Г. Симион, анализируя аналогичные находки из погребений курганов из Челик-Дере, интерпретирует их как *составные элементы наконечников стрел в виде пропеллера* [38, р. 249; 39, р. 69–82] (рис. 3/2–3). Несколько раньше, анализируя подобные находки, В. Василиев относит их к категории вооружения и обозначает как тип *D наконечников стрел с пропеллером* [43, р. 76, pl. 9/19] (рис. 2/9). Так же интерпретирует эти вещи Ш. Ференци на основе находки из слоя могильника Чумбруд [20, р. 37, Fig. 8/7]. На основе находки из Трахтемировского городища они интерпретируются как *бронзовый предмет с тремя лепестками* [13, с. 59, рис. 23/1, табл. 33/6] (рис. 2/1), или *предметы с тремя крылышками* [12, с. 41, рис. 1/1]. Находка из Наддиманского названа *геликоидальной головкой булавки или шпилькой* [4, с. 174, рис. 5]. В Костенко и С. Мухопад ошибочно определяют находку из вторичного погребения № 1 (женское) кургана 2 скифского могильника у с. Усть-Каменка как *бронзовое навершие в виде якоря* [5, с. 102,

Прим.: 1-Трахтемир (по Фіалко 2003); 2 - северо-восточная Болгария (по Манов 1998); 3-7-Журжюлешть (по Levițki, Naheu 1999); 8-Надлиманское (по Дзис-Райко 1966); 9-Чумбруд (по Vasiliev 1980); 10-Пиатра Фрекэцей (по Simion 1976); 11-Чернавода (по Berciu 1957); 12-14-Милештий де Сус (по Mitrea 1983); 15-16-Стелника-Грэдиштеа Маре (по Conovici, Matei 1999); 17-18-Доброжеа (по Iconomi 2006).

Рис. 2. Изображения находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

Прим.: 1 - Усть Каменка (по Костенко, Мухопад 1990); 2-3 - Челик-Дере (по Simion 2000); 4 - Будуреаска-Ваду Сэпат (по Măndescu 2010); 5-7 - Покряка (по Iconomu 2006); 8 - Сату Ноу (по Mitrea, Preda, Angheliescu 1961); 9 - Сахарна ла Ревекин (по Levinschi 2003); 10-12 - Чимбала (по Căpitanu 1968; Măndescu 2010); 13 - Поянешть (по Cihodaru 1937-1938); 14-15 - Северо-восточная Болгария (по Манов 1998); 16-19 - Челик-Дере (по Simion 1996); 20-25 - Енисала (по Simion 1977).

Рис. 3. Изображения находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов

рис. 3/6] (рис. 3/1). На самом деле идёт речь о предмете с одним сломанным пропеллером, вторично использованным в качестве украшения. Здесь же отметим, что вторично, в качестве подвески использовался и экземпляр, найденный на городище Сахарна-Ла Ребекин [25, р. 53, Fig. 2/5] (рис. 3/9). Наконец, Д. Мэндеску обозначает подобные находки как *навершие булавки в виде пропеллера* [28, р. 7–10; 29, р. 35, Fig. 1; 30, р. 55–71, Fig. 319/4] (рис. 3/4), или *навершие булавки в виде трёхлопастного пропеллера*, название, которое использовали и мы относительно находки из погребения 1 могильника Жюржюлешть-Стына луй Мокану [26, р. 122, Fig. 2/13-17; 27 р. 57, 65; 21, р. 277].

Морфологически эти находки представляют тип древностей с общими конструктивными особенностями. Все они изготовлены из бронзы и имеют форму пропеллера с тремя лепестками. Место, где эти лепестки соединяются, имеет довольно узкое отверстие. Одновременно прослеживаются довольно заметные вариации относительно конфигурации лепестков, угла их расположения и размеров.

Необходимы некоторые уточнения относительно местоположения этих находок в контексте обнаружения. Для экземпляров, найденных на поселенческих памятниках, можно сказать только то, что выявлены они исключительно на городищах: Надлиманское – зерновая яма XXXV [4, с. 174], Трахтемир – ров городища [12, с. 41; 13, с. 59], Сахарна Ла Ребекин – наземное жилище № 7 [25, р. 53]. Единственная находка, найденная в культурном слое открытого поселения – Будуреаска-Ваду Сэпат [29, р. 35, Fig. 2/4; 30, р. 336,

pl. 319/4] (рис. 3/4), одна из самых важных и самых спорных. Во-первых, это единственный экземпляр, найденный целиком, вместе со стержнем. С другой стороны, все наши попытки найти какие-то библиографические подтверждения этому по указанным сноскам оказались безуспешными из-за отсутствия подобных данных, равно как и рисунка [42, р. 365–387].

Как отмечалось, большинство находок происходят из погребальных комплексов. Мы считаем их иррелевантными для каких-то реконструкций в контексте трупосожжений, в урнах или без. Во всех случаях мы имеем дело с перемешанными кальцинированными костями вместе с инвентарем, то есть имеем лишь констатацию факта наличия инвентаря, без возможности его значимой интерпретации. То, что в публикации погребения IV в Черनावода даётся описание бронзовой иглы-булавки вместе с предметом с тремя крылышками в виде пропеллера, – пример как раз неверного подхода и интерпретации такого рода комплексов. В дальнейшем для этого погребения автор приводит ещё одну похожую находку, от которой сохранилось только крылышко [16, р. 290, Fig. 14/4-6].

Функциональные интерпретации

Многочисленные предположения насчет функциональности этих предметов определялись тем, что они находились всегда отдельно, без иглы или булавки. Но в последнее время стала известна цельная находка из Будуреаска-Ваду Сэпат [29, р. 35, Fig. 2/4; 30, р. 336, pl. 319/4], и всё меняется. Как указывалось выше, мы не нашли библиографического подтверждения этой находки в указанных первичных пу-

бликациях [42, р. 365–387], цитированных Д. Мэндеску. Эта находка, появившаяся как будто *вдруг и сразу*, уже не оставляет сомнения, что это навершие булавок. Но и это ненамного проясняет ситуацию. Дело в том, что во всех случаях их обнаружения в труположениях (закрытые комплексы – Жюржюлешть-Стына луй Мокану, Гымбаш) они находились слева от нижних конечностей или между ними. В этой связи, если вернуться к находкам, рассматриваемым Б. Раевым и А. Горошниковым, то они, если и называются *трёхлопастными*, принципиально отличаются от наших, да и принадлежат другим культурам, хотя их нижняя хронологическая граница датируется практически тем же периодом – середина VII вв. до н.э. [7, с. 141, рис. 3/1]. Это бусины (чаще всего из золота, но бывают и бронзовые) раннескифского или, точнее, киммерийского времени и относятся к киммерийцам. На каменных стелах этой культуры они изображены в связках, которые опоясывают чаще зону грудной клетки или нижнюю часть изваяния [24, Fig. 7/A]. Отмечено их большое количество для Карпато-Дунайского региона, а также их связи с северокавказскими древностями этого периода [24].

Представляется достаточно важным обстоятельством находка подобных древностей на городищах; в случае с Хородиште их обнаружено четыре экземпляра. Это имеет значение в случае, если они действительно могли быть составными стрелами для лука. И здесь необходимо уточнить одно обстоятельство. Сторонники подобной интерпретации этих находок (Ш. Ференци, В. Василиев, Г. Симион) нигде не уточняют их положение в самой

стреле. Из-за языкового непонимания, у некоторых украинских исследователей создалось впечатление, что речь идет об их расположении у хвостового окончания стрелы, которое садится на тетиву, вследствие чего развернули целую дискуссию насчёт невозможности такой интерпретации [12, с. 43–44]. Автор начинает с утверждения, что «в каком бы месте древка стрелы не был бы насажен этот предмет ..., лопасти будут мешать во время выстрела» [12, с. 43]. Безусловно, это так, если предмет будет у основания древка стрелы. И, наоборот, абсолютно не будет мешать (или ранить стрелка), если будет находиться в передней части и выполнять какие-то функции (ранить врага, указать направление стрельбы, обмотанные паклей – спровоцировать пожар, издавать устрашающие звуки для противников или их коней и др.). Но повторяем, что ни один из авторов не указывает на их насаживание на основание стрелы. И тогда, по более отдалённым аналогиям (временные и пространственные), они могут быть интерпретированы как составные части наконечников стрел. Для наглядности приводятся трёхлопастные наконечники стрел кочевников тюркско-монгольского круга, которые имели такую форму, чтобы звуком устрашать врагов и особенно их коней, а также могли указать направление обстрела, давать какие-то команды и др. [1, с. 193–202].

В другой публикации, где рассматривается находка с Трахтемировского городища, авторами приводится в качестве аналогии «медная пронизка из трубочки с тремя лопастями» из окрестностей с. Липлява, Полтавской губернии [13, с. 59–60]. Но эта наход-

ка похожа только наличием трёх лопастей; по всем другим параметрам они принципиально разные, включая и экземпляр из Зарубинцев. С другой стороны, важно, что последние редки для Среднего Поднепровья и являются фракийским импортом [8, с. 173]. Со всем недавно была опубликована ещё одна подобная находка из слоя поселения Панагия 1 на Тамани, в связи с которой авторы предполагают, что артефакты, которые мы рассматриваем, являются их дериватами. В продолжении авторы присоединяются к мнению М. Манова, что они могли использоваться в качестве средства платежа в домонетный период [7, с. 140]. Не вдаваясь в дискуссии, отметим лишь тот факт, что это две разные категории вещей, разновременные, разнокультурные, и объединяет их лишь наличие трёх лопастей. И только. Мы отказываемся даже рассматривать возможность использования подобного типа находок в качестве домонетной формы, в отличие от точки зрения, высказанной М. Мановым [10, с. 79–82] (рис. 3/14–15), которая в последнее время поддерживается С. Топаловым [11, с. 184–189]. Д. Мэндеску утверждает [30], что это мнение разделяет и Г. Талмацки, но, познакомившись с цитированными работами последнего, мы обнаружили, что автор менее всего склонен интерпретировать их как монетный эквивалент [41, р. 42]. Относительно интерпретации этих находок в качестве монетных эквивалентов представляет интерес замечание, высказанное недавно Б. Раевым и А. Горошниковым: «употребление трискелов в качестве украшений (трёхлопастной бусины?) вовсе не исключает их использование как средства платежа в домонетный период» [7,

с. 140]. Но снова тот же вопрос: как всё это выглядит в свете недавно обнаруженного цельного предмета из Будуря-ска-Ваду Сэпат?

К слову, уже несколько десятилетий все с нетерпением ждали, когда же найдётся цельное подобное устройство, чтобы понять, что это такое. И вот, наконец, оно обнаружено и опубликовано [29, р. 35; 30, р. 336, pl. 319/4]. Но вместо ответов, как всегда, эта находка привнесла ещё больше вопросов и пошатнула всю построенную до сих пор логику вещей. И это исключительно в связи с их местоположением в составе погребений с трупоположениями. Так, общепринято мнение, что в контексте погребений с трупоположениями украшения и детали костюма занимали то же место, что и при жизни погребённого. Но в Гымбаш этот предмет найден слева от берцовых костей левой ноги [43, р. 76], а в Жюржюлешть – между ними [26, р. 122]. Тем более, их здесь пять штук. Если это заколка для волос, скорее всего, достаточно было одной. А может быть это застёжка колчана? Но и в таком случае – почему в Жюржюлешть их пять?

В контексте культурно-хронологического картографирования подобных находок несколько выделяется комплекс у Заблотче (Юго-Восточная Польша). Это трупосожжение в яме (женщина), инвентарь, за небольшим исключением (стеклянные бусины), не имеет следов пребывания в огне. В его состав входили три трёхлопастные наверхия в виде пропеллера [15, р. 181, 187–189, Fig. 3/8–10]. Анализируя все детали погребального обряда и инвентарь, авторы публикации приходят к выводу, что данный комплекс не связан ничем с местными синхронными культурами и очень похож на древ-

ности Трансильвании, Молдовы и Добруджи [15, р. 178–215].

Предположение относительно редкости их находок на поселенческих памятниках и частого обнаружения в погребальных комплексах [22, р. 444] (рис. 2/17–18) отражает, скорее всего, уровень исследования самих памятников. Симптоматична в этом аспекте находка четырёх экземпляров пропеллеровидных устройств на поверхности городища у с. Хородиште.

Попытки типологической классификации

До недавнего времени все найденные бронзовые пропеллеровидные устройства с тремя лепестками рассматривались как одно целое без каких-то отличий или особенностей. Как результат, они датировались довольно широким диапазоном времени – середина VII – конец III вв. до н.э. В одной из последних публикаций мы предположили, что более чёткая типологическая классификация (морфология лепестков, размеры вещей в целом) даст более узкую датировку, позволяя выделить отдельные периоды бытования обособленных типов [21, р. 278]. Таким образом, по формальным признакам выделяются нижеследующие варианты.

1. Предметы с лепестками подтреугольной формы со слегка сегментовидным краем. Обычно массивные для этого типа находок.

2. Предметы с лепестками, край которых скруглён, менее массивные, чем предыдущие.

3. Предметы с лепестками подовальной формы. Их высота намного меньше, чем у предыдущих.

4. Предметы с удлинёнными лепестками каплевидной формы.

Исходя из контекста обнаружения, первые два варианта более ранние и датируются в пределах середины VII–V вв. до н.э. К ним относятся находки из Трахтемира, Жюржюлешть, Чумбруд и один экземпляр из Болгарии. Следующие два варианта более поздние и датируются IV–III вв. до н.э. В нашем понимании они представляют деградирующие формы, позднее эти предметы вообще исчезают.

Культурно-хронологические интерпретации

На сегодняшний день, похоже, мы не можем с уверенностью высказываться относительно двух принципиальных вопросов, связанных с подобной категорией находок. Это функциональность и их этнокультурная принадлежность. К ним добавляется уточнение времени их бытования. Одним из первых высказался по этому поводу Д. Берчу. В свете находки из Чернавода (трупосожжение) автор пишет, что керамический материал указывает на финал гальштатских культур, а металлические вещи, в том числе трёхлопастное навершие, имеют гетские корни [16, р. 294–295] (рис. 2/11). Правда, в качестве аналогий автор приводит похожие предметы из Трансильвании, так что в этом плане их гетская принадлежность далеко не бесспорна.

Анализ карты распространения вещей методом исключения позволяет предполагать, что они не скифские и не южнофракийского происхождения. Не исключено, что они появились и использовались в ареале скифов-агафирсов, для которых А. Вулпе пишет: «если будет доказано, что *Мареш* это *Муреш*, то они могут быть локализова-

ны в бассейне последнего... В противном случае, они могли быть где угодно» [47, р. 29–43]. Д. Мэндеску также сомневается в их восточном происхождении, подчеркивая, что всё же самые ранние экземпляры появляются в труположениях, в инвентаре которых наблюдается сильное скифское (Чимбала, Милештий де Сус, Хушь, Гымбаш), или же северофракийское влияние (Жюржюлешть). Он считает, что эти предметы «являются оригинальным творением в составе группы Чумбруд или Карпатской зоны, тесно связанной с нею» [28, р. 11]. Впоследствии автор добавляет сюда и группу Хушь-Суручень и в связи с предметом из Будуряска-Ваду Сэпат отмечает, что это первая находка для группы Ферижиле [29, р. 35].

В этой связи представляют интерес как ареал распространения и время бытования скифов-агафирсов, так и вопрос о путях передвижения самих скифов в западном направлении. Повторяем, для самой скифской культуры подобные находки абсолютно не характерны, но парадокс заключается в том, что на территориях, куда они проникают и где их присутствие доказано, эти вещи у них уже есть. Если вдуматься, то и для «чистой» гетской культуры эти вещи не характерны. Ещё В. Пырван высказался насчёт возможных путей проникновения скифов на запад, на территорию Центральной Европы [34, р. 11]. Один из них, «центральный», как раз шёл по южной части лесостепи через перевал Присэкань/Ойтуз на Трансильванию [31, р. 450–453, Fig. 4], где и отмечена одна из концентраций подобных предметов. Есть ещё и южный путь на Добруджу, для которого мы отмечали находки

из Жюржюлешть, а на правом берегу Дуная – могильник Исакча [40, р. 113–128], где, хотя и не найдены подобные вещи, сам памятник очень похож на Жюржюлештский. Мы предполагали недавно, что эта группа не обязательно продвигалась с территории Подолии, как утверждал Г. Симион [40, р. 117], а представляла смешанную группу, которая двигалась в Трансильванию через Центральную Молдову (Чимбала, Трестиана) и свернула на юг (Жюржюлешты, Картал, Исакча). В Добрудже, где отмечено множество скифских древностей, в том числе ранних, имеются несколько пунктов, где найдены трёхлопастные предметы – Чернавода, Сату Ноу «*Suat*», Енисала, Пиатра Фрекэцей (рис. 2/10), Челик-Дере.

Большинство находок трёхлопастных пропеллеровидных предметов датируются по совокупности датировок закрытых погребальных комплексов. Относительно фибул с беотийским щитом заслуживает внимания мнение А. Вулпе, который считает их аналогичными находке из кургана 72 из Ферижиле, отнесённой к типу B1 [45, р. 93] и впоследствии – к комбинаторному типу I, датированному второй половиной VII в. до н.э. [46, р. 97]. М. Манов датирует находки из Болгарии концом VII в. и на протяжении всего VI в. до н.э. [10, с. 79–81].

Относительно ракушек *kauri* И. Бруяко, в специальной статье по этим древностям, утверждает, что они проникают в лесостепную зону Днепра в VII в. до н.э., и включает их в характерную категорию ранескифских древностей – третий этап РСК. В дальнейшем, в V–IV вв. до н.э., они становятся обычной находкой для северопонтийских погребальных комплексов [2, с. 51; 3].

Что же касается находок из Жюржюлешть погр. 1, все пять устройств датируются по основным категориям находок VII–VI вв. до н.э. [27, р. 67]. Серединой VII в. до н.э. датирована и находка из Трахтемир [12, с. 44]. Датировка этих вещей VI в. до н.э., а, возможно, и V в. до н.э., Д. Мэндеску представляет завышенной и зависит от хронологической схемы самого автора [30, р. 337].

В заключение попытаемся уточнить несколько положений, касающихся обсуждаемой категории находок. Пока рано ставить точку относительно ареала их распространения – они продолжают появляться в самых неожиданных регионах. Но всё же большинство из них найдено вместе со скифскими вещами. Эти предметы вполне могли появляться в среде скифов-агафиров (культурная группа Чумбруд), а если граница их расселения расширится (центральная Молдова и южнее до Дуная), то этим объяснится и атрибуция предметов из Чимбала и Жюржюлешть, как и остальные находки из Центральной Молдовы. В общем, анализируемые вещи бытуют в пределах середины-конца VII в. до

III в. до н.э. Первые выделенные нами два типа – более ранние, следующие два – более поздние, являясь производными формами. К сожалению, остается открытым вопрос о назначении этих артефактов. Мы можем уверенно сказать, что это не домонетные знаки. В свете находки из Будуряскя-Ваду Сэпат можно предположить, что это наперстки для заколок. Но их местонахождение в погребениях из Гымбаш и Жюржюлешть (к тому же их наличие здесь в трёх и соответственно пяти экземплярах) заставляет сомневаться в такой интерпретации. Предпочтительнее кажется, что они каким-то образом связаны с набором колчана. Скорее всего, они прикреплялись к передней части древка стрелы и использовались во время военных столкновений для устрашения врагов и их коней, подачи каких-то сигналов или для других целей. Обнаруженное устройство из Будуряскя-Ваду Сэпат ставит и это предположение под сомнение, но надеемся, что будущие находки внесут ясность в этот вопрос.

Статья поступила в редакцию 21.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматов К. Т. Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник Новосибирского университета. Серия: история, филология, археология и этнография. 2015. Т. 14. Вып. 7. С. 193–202.
2. Бруйко И. В. Моллюски семейства *Cyprea* и памятники раннескифской эпохи в Восточной Европе // Памятники скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье: ЗГУ, 1999. С. 47–54.
3. Бруйко И. В. Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р.Х. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2005. 360 с.
4. Дзис-Райко Г. А. Археологические исследования городища у села Надлиманское // Материалы по археологии Северного Причерноморья (Вып. 5). Одесса: Одесский гос. археологический музей, 1966. С. 163–175.
5. Костенко В. И., Мухопад С. Е. Скифские могильники у с. Усть-Каменка Днепропетровской области // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1990. С. 96–106.

6. Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979. 255 с.
7. Раев Б. А., Горошников А. А. Поселение Панагия 1 на Тамани (о связях Северного Кавказа и Карпато-Дунайского региона в предскифское время) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности: материалы международной конф. Измаил: Ирбис, 2018. С. 135–142.
8. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: АН УССР, 1961. 248 с.
9. Бобчева Л. Тракийски некрополи при селата Кръгулева и Черна, Толбухински окръг // Известия Народния Музей, Варна. 1975. Т. XI (XXVI). С. 119–128.
10. Манов М. Нов тип домонетни форми от българските земи // Археология. 1998. № 3–4. С. 79–82.
11. Топалов С. Принос към проучване използваните предметоподобни форми на средства за размяна от земите от древна Тракия през първото хилядолетие пр. н.э. София: Mind Print, 2013. 312 p.
12. Фіалко О. Трилопатеві предмети з пам'яток скіфського часу // Марістеріум. 2003. Вип. 11. С. 40–45.
13. Фіалко О., Болтрик Ю. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ: ИА НАНУ, 2003. 152 с.
14. Arnăuț T. Vestigii ale sec. VII–III a.Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați Chișinău, 2003. 407 p.
15. Bajda-Weselowska A., Bochnak T., Hozer M. Un mormânt feminin bogat de la Zablotce, situl 27 – mărturie a contactelor transcarpătice în prima epocă a fierului // Istros. 2013. P. 178–215.
16. Berciu D. Descoperirile de la Cernavoda (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii Latène geto-dace la Dunărea de Jos // Materiale și Cercetări Arheologice. 1957. Vol. IV. P. 281–317.
17. Căpitanu V. Un mormânt hallstattian descoperit la Cimbala // Carpica. 1968. Iss. I. P. 69–72.
18. Cihodaru C. Poienеști-Tamasidava. O аșezare carpică în Moldova Centrală // Arta și Arheologia, 1937–1938. P. 13–59.
19. Conovici N., Matei G. Necropola getică de la Stelnică-Grădiștea Mare (jud. Ialomița). Raport general pentru anii 1987–1996 // Materiale S.N. 1999. P. 99–144.
20. Ferenczi Șt. Cimitirul „scitic” de la Ciumbrud (Partea a II-a) // Acta Musei Napociensis. 1967. № 4. P. 19–43.
21. Haheu V. Despre un tip de descoperiri din perioada hallstattiană târzie: dispozitivele eliceforme tripațelate de bronz // Revista Arheologică S.N. 2012. Vol. VIII. № 1. P. 275–283.
22. Iconomu C. Un mormânt de la sfârșitul primei epoci a fierului de la Pocreaca-Iași // Arheologia Moldovei. 2013. Vol. XXIX. P. 57–65.
23. Iconomu C. Some Dobrudja – discovered items from a private collection. Signa Praehistorica // Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno. Iași, 2006. P. 443–449.
24. Kossak G. Winged beads remarks on Late Bronze age gold treasures from the Carpathian lands // Kossak G. Selected studies in Archaeology. Ten Essays written from the year 1974–1997. Rahden/Westf., 1998. P. 191–216.
25. Levinschi A. Mărturii privind prelucrarea metalelor la geți în sec. VI–IV î.e.n. // Tyrageția. 2003. Vol. XII. P. 45–54.
26. Levițki O., Haheu V. Necropola Hallstattiană târzie de la Giurgiulești // Studia in honorem Ion Niculiță. Chișinău, 1999. P. 121–134.
27. Levițki O., Haheu V. Necropola Hallstattiană târzie de la Giurgiulești în contextul cultural-istoric de la Dunărea de Jos // Revista Arheologică S.N. 2011. Vol. VII. № 1–2. P. 55–71.

28. Măndescu D. Capetele de ac în formă de elice // *Danubius*. 2003. Iss. 21. P. 7–14.
29. Măndescu D. Despre periferia sudică a grupului Ferigile. Cu specială privire asupra necropolei de la Teiu (județul Argeș) // *Istros*. 2005. Iss. 12. P. 33–43.
30. Măndescu D. Cronologia perioadei timpurii a celei de-a doua epoci a fierului (sec. V-III a.Chr.) între Carpați, Nistru și Balcani. Brăila, 2010. 510 p.
31. Mihăilescu-Bârliba V., Untaru I. Notă despre un nou „akinakes” găsit la Agapia // *Memoria Antiquitatis*. 1971. Vol. III. P. 441–454.
32. Mitrea I., Preda C., Anghelescu N. Săpăturile de salvare de la Satu-Nou. Cimitirul geto-dacic I // *Materiale și Cercetări Arheologice*. 1961. Vol. VII. P. 283–288.
33. Mitrea I. Două morminte din sec. VI-V î.e.n. descoperite la Mileștii de Sus, jud. Bacău // *Studia Antiqua et Arheologica*. 1983. № 1. P. 59–63.
34. Pârvan V. *Getica. O protoistorie a Daciei*. București, 1982. 604 p.
35. Roska M. Der Bestand der skythischen Altertümer Siebenbürgens // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. 1937. № 11. P. 167–203.
36. Simion G. Les Gètes de la Dobroudja septentrionale du VI au I siècle av. n.e. // *Thraco-Dacica*. 1976. I. P. 143–163.
37. Simion G. Necropolele getice de la Enisala și Telița // *Peuce*. 1977. Vol. VI. P. 49–72.
38. Simion G. Gètes et Scythes aux Bouches du Danube // Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării*. Vol. I. Preistorie și protoistorie. Cluj-Napoca, 2003. P. 247–258.
39. Simion G. Tombes tumulaires de la nécropole de Celic-Déré. Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe // *Actes du II Colloque International d'Archéologie Funéraire*. Tulcea, 2000. P. 69–82.
40. Simion G. O necropolă din sec. VI-V a. Chr. la Isaccea // *Peuce N.S.* 2003. Vol. 1 (XIV). P. 113–128.
41. Talmațchi G., Andreșescu G. Noi descoperiri de obiecte premonetare și semne monetare în Dobrogea // *Moneda și comerț în sud-estul Europei, III, Lucrările întâlnirii din 2009*. Sibiu, 2009. P. 41–53.
42. Teodorescu V., Dupoi V., Peneș M., Lichiardopol D., Panait Gh. Stațiunea arheologică Budureasca, jud. Prahova (complexe daco-romane și străromânești) // *Materiale* (№ 17). Ploiești, 1983. P. 365–387.
43. Vasiliev V. *Sciții agatârși pe teritoriul României*. Cluj-Napoca, 1980. 185 p.
44. Vasiliu C. Un mormânt scitic la Huși // *Arta și Arheologia*, 1933–1934. P. 18–26.
45. Vulpe Al. Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. București, 1967. 208 p.
46. Vulpe Al. Cu privire la cronologia grupului cultural Ferigile // *Danubius*. 1979. Vol. VIII–IX. P. 93–122.
47. Vulpe Al. *Sciți și agathyrsi în spațiul carpato-dunărean* // *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie*. 2012. Vol. 63. № 1–2. P. 27–66.

REFERENCES

1. Akmatov K. [Iron arrowheads nomads of Tien Shan in the Mongol time]. In: *Vestnik Novosibirskogo Universiteta. Seriya: istoriya, filologiya, arkheologiya i etnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk University. Series: History, Philology, Archeology and Ethnography], 2015, vol. 14, no. 7, pp. 193–202.
2. Bruyako I. [Molluscs of the family Cyprea and monuments of the early Scythian epoch in Eastern Europe]. In: *Pamyatniki skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* [Monuments of Scythian-Sarmatian archaeology of the Northern black sea], Zaporozhye, ZGU Publ., 1999, pp. 47–54.
3. Bruyako I. *Rannie kochevniki v Evrope X–V vv. do R.Kh.* [Early nomads in Europe, X–V centuries B. C.], Chisinau, Vysshaya antropologicheskaya shkola Publ., 2005. 360 p.

4. Dzis-Raiko G. [Archaeological investigations of the settlement at the village of nadlymanske]. In: *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya* (Vyp. 5) [Materials on archeology of the Northern black sea (Iss. 5)]. Odessa, Odesskii gos. archaeological Museum Publ., 1966, pp. 163–175.
5. Kostenko V., Mukhopad S. [Scythian burial grounds near the village of Ust-Kamenka, Dnipropetrovsk region]. In: *Issledovaniya po arkheologii Podneprov'ya* [Studies in the archaeology of the Dnieper], Dnepropetrovsk, DGU Publ., 1990, pp. 96–106.
6. Melyukova A. *Skifiya i frakiiskii mir* [Scythia and the Thracian world]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 255 p.
7. Raev B., Goroshnikov A. [The settlement of Panagia 1 Taman (about the relations of the North Caucasus and Carpathian-Danube region in pre-Scythian time)]. In: *Narody i kul'tury Nizhnego Dunaya v drevnosti: materialy mezhdunarodnoi konf.* [Peoples and cultures of the Lower Danube in antiquity: proceedings of the international conference], Ishmael, Irbis Publ., 2018, pp. 135–142.
8. Terenozhkin A. *Predskifskii period na Dneprovskom Pravoberezh'ya* [Pre-Scythian period on the right Bank of the Dnieper], Kiev, AN USSR Publ., 1961. 248 p.
9. Bobcheva L. [Thracian necropolises near the villages of Kruguleva and Cherna, Tolbuhin district]. In: *Izvestiya Narodniya Muzei Varna* [News of the National Museum Varna], 1975, vol. XI (XXVI), pp. 119–128.
10. Manov M. [A New Type of Domestic Forms from the Bulgarian Lands]. In: *Archeologia*, 1998, no. 3–4, pp. 79–82.
11. Topalov S. *Prinos kŭm prouchvane ispolzvanite predmetopodobni formi na sredstva za razmyanya ot zemite ot drevna Trakiya prez pŭrvogo khilyadoletie pr. n.é.* [Contribution to the study of the subject-like forms of means of exchange from the lands of ancient Thrace in the first millennium BC], Sofia, Mind Print Publ., 2013. 312 p.
12. Fialko O. [Trilopate Scythian Monuments]. In: *Mahisterium*, 2003, iss. 11, pp. 40–45.
13. Fialko O., Boltrik Y. *Napad skifiv na Trakhtemyrivs'ke horodyshche* [The Scythians' attack on the Trakhtemir site], Kiiv, IA NASU, 2003. 152 p.
14. Arnăut T. [Vestigii of the sec. VII-III a. Chr. in the space from the east by Carpathians], Chisinau, 2003, 407 p.
15. Bajda-Weselowska A., Bochnak T., Hozer M. [A rich female tomb from Zablotce, site 27 – testimony of trans-Carpathian contacts in the early Iron Age]. In: *Istros*, 2013, vol. XIX, pp. 178–215.
16. Berciu D. [The Cernavoda discoveries (1954) and some aspects of the beginning of the formation of the Geto-Dacian Latene culture at the Lower Danube]. In: *Materiale și Cercetări Arheologice* [Archaeological Materials and Research], 1957, vol. IV, pp. 281–317.
17. Captain V. [A Hallstattian tomb discovered at Cimbala]. In: *Carpica*, 1968, vol. I, pp. 69–72.
18. Cihodaru C. [Poieniști-Tamasidava. A Carpic settlement in Central Moldova]. In: *Arta și Arheologia* [Art and Archeology], 1937–1938, pp. 13–59.
19. Conovici N., Matei G. [The Gothic necropolis from Stelnica-Grădiștea Mare (Ialomița county). General report for 1987–1996]. In: *Material S.N.*, 1999, pp. 99–144.
20. Ferenczi Șt. [The "Scythian" Cemetery in Ciumbud (Part II)]. In: *Acta Musei Napociensis*, 1967, no. 4, pp. 19–43.
21. Haheu V. [About a type of discoveries from the late Hallstattian period: the tripaletated bronze helical devices]. In: *Revista Arheologică* [Archaeological Magazine] S.N., 2012, vol. VIII, no. 1, pp. 275–283.
22. Iconomu C. [A tomb from the end of the first Iron Age from Pocreaca-Iasi]. In: *Arheologia Moldovei*, 2013, vol. XXIX, pp. 57–65.

23. Iconomu C. [Some Dobrudja – discovered items from a private collection. Signa Praehistorica]. In: *Studia in honorem magistri Attila László septuagesimo anno*, Iași, 2006, pp. 443–449.
24. Kossak G. Winged beads remarks on Late Bronze age gold treasures from the Carpathian lands. In: Kossak G. *Selected studies in Archaeology. Ten Essays written from the year 1974–1997*, Rahden/Westf., 1998, pp. 191–216.
25. Levinschi A. [Testimonies regarding the processing of metals at dumps in sec. VI-IV ill]. In: *Tyrageia*, 2003, vol. XII, pp. 45–54.
26. Leviticus O., Haheu V. [The late Hallstattian necropolis of Giurgiulesti]. In: *Studia in honorem Ion Niculiță*, Chisinau, 1999, pp. 121–134.
27. Levițchi O., Haheu V. [The late Hallstattian necropolis from Giurgiulesti in the cultural-historical context of the Lower Danube]. In: *Revista Arheologică* [Archaeological Magazine] S.N., 2011, vol. VII, no. 1–2, pp. 55–71.
28. Măndescu D. [The needle-shaped ends of the propeller]. In: *Danubius*, 2003, vol. 21, pp. 7–14.
29. Măndescu D. [About the southern periphery of the Ferigile group. With special view on the necropolis of Teiu (Argeș county)]. In: *Istros*, 2005, no. 12, pp. 33–43.
30. Măndescu D. [Chronology of the early period of the second iron age (5th-3rd century BC) between Carpathians, Nistru and Balkans], Braila, 2010, 510 p.
31. Mihăilescu-Bârliba V., Untaru I. [Note about a new "akinakes" found at Agapia]. In: *Memoaria Antiquitatis*, 1971, vol. III, pp. 441–454.
32. Mitrea I., Preda C., Anghelescu N. [Salvage digs from Satu-Nou. Geto-Dacian Cemetery I]. In: *Materiale și Cercetări Arheologice* [Archaeological Materials and Research], 1961, vol. VII, pp. 283–288.
33. Mitrea I. [Two tombs from the 20th century. VI-V i.e.n. discovered in Mileștii de Sus, Bacău County]. In: *Studia Antiqua et Arheologica*, 1983, no. 1, pp. 59–63.
34. Pârvan V. [Getica. A protohistory of Dacia], Bucharest, 1982, 604 p.
35. Roska M. [The inventory of the Scythian antiquities of Transylvania]. In: *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, 1937, no. 11, pp. 167–203.
36. Simion G. [The Getes of the Northern Dobroudja from the 6th to the 1st century BC. n.o.]. In: *Thraco-Dacica*, 1976, vol. I, pp. 143–63.
37. Simion G. [The Gothic necropolis of Enisala and Telita]. In: *Peuce*, 1977, vol. VI, pp. 49–72.
38. Simion G. [Ghetes and Scythians in the Danube Bouches]. In: Simion G. *Culturi antice în zona gurilor Dunării. Vol. I. Preistorie și protoistorie* [Ancient cultures in the Danube mouth area, volume I, Prehistory and protohistory]. Cluj-Napoca, 2003, pp. 247–258.
39. Simion G. [Tomb tumuli of the Celic-Dere necropolis. Tomb tombs of the Iron Age in South-East Europe]. In: *Proceedings of the II International Symposium of Funerary Archeology. Tulcea*, 2000, pp. 69–82.
40. Simion G. [A necropolis from the 20th century. VI-V a. Chr. at Isaccea]. In: *Peuce* N.S., 2003, vol. 1 (XIV), pp. 113–128.
41. Talmățchi G., Andrerescu G. [New discoveries of pre-monetary objects and monetary signs in Dobrogea]. In: *Moneda și comerț în sud-estul Europei, III, Lucrările întâlnirii din 2009* [Currency and trade in south-east Europe, part III. Proceedings of the 2009 meeting]. Sibiu, 2009, pp. 41–53.
42. Teodorescu V., Dupoi V., Peneș M., Lichiardopol D., Panait Gh. [Budureasca archaeological station, Prahova county (Daco-Roman and foreign complexes)]. In: *Materials*, 17, Ploiesti, 1983 (II 1993), pp. 365–387.
43. Vasiliev V. [Scythians agitated on the territory of Romania]. Cluj-Napoca, 1980, 185 p.
44. Vasiliiu C. [A Scythian tomb at Huși]. In: *Arta și Arheologia* [Art and Archeology], 1933–1934, pp. 18–26.

45. Vulpe Al. [The Hallstattian necropolis at Ferigile. Archaeological monograph]. Bucharest, 1967, 208 p.
46. Vulpe Al. [On the chronology of the Ferigile cultural group]. In: *Danubius*, 1979, vol. VIII–IX, pp. 93–122.
47. Vulpe Al. [Scythes and agathyrs in the Carpathian-Danube area]. In: *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie* [Studies and Researches of Ancient History and Archeology], 2012, vol. 63, no. 1–2, pp. 27–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хахеу Василе – научный сотрудник Центра археологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы;
e-mail: vasile.haheu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Haheu V. – Researcher, Centre for Archeology, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of the Republic of Moldova;
e-mail: vasile.haheu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хахеу В. Бронзовые трёхлопастные пропеллеровидные устройства позднегалльштаттского времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. С. 173–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188

FOR CITATION

Haheu V. Late-Hallstatt bronze three-bladed propeller-shaped devices. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 5, Circumpontica, pp. 173–188.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-5-173-188